

ФУКО́ МИШЕЛЬ

Авторы: В. П. Визгин

ФУКО́ (Foucault) Мишель (15.10.1926, Пуатье – 25.6.1984, Париж), франц. философ, социальный мыслитель, историк. Родился в семье хирурга. Учился в Высшей нормальной школе (Париж; 1946–1951), где преподавал в 1951–55 (затем в ун-тах Клермон-Феррана, Лилля и во франц. культурных центрах Варшавы, Уппсалы, Гамбурга и др.), с 1970 проф. в Коллеж де Франс.

В творчестве Ф. прослеживаются три осн. периода: 1) «археология знания» (1960-е гг.); 2) генеалогия «власти-знания» (1970-е гг.); 3) «эстетика существования» человека как морального субъекта, формирующего себя и потому включающая «технику самости» («*techniques de soi*») как самопознания и работы над собой (1980-е гг.). Между этими периодами существуют как разрывы, так и преемственность и определённое единство.

В центре «Археологии знания» («*L'archéologie du savoir*», 1969, рус. пер. 1996, и др.) – проблема знания как исторически формирующегося явления.

Согласно Ф., слова, вещи и индивиды включены в подвижную сеть отношений, сущностную структуру которых и должна выявлять «археология знания». Поворотной вехой в творчестве Ф. стало фундам. исследование по социокогнитивной истории безумия, в котором показывалось, как европ. цивилизация в «жесте» «великого заточения» («*le grand renfermement*») отделила от определённого как «нормальное» «рационального» существования историч. опыт безумия («История безумия в классическую эпоху» – «*Histoire de la folie à l'âge classique*», 1961, рус. пер. 1997). В этой работе и в соч. «Рождение клиники: археология взгляда медика» («*Naissance de la clinique: une archéologie du regard médical*», 1963, рус. пер. 1998) Ф. рассматривал цивилизационные и эпистемологич. предпосылки формирования таких совр. институций, как психиатрич. приют, клинич. медицина, сменяющая традиц. «классификаторскую» медицину классич. эпохи. В принёсшей Ф. мировую известность кн. «Слова и вещи: археология гуманитарных наук» («*Les mots et les choses: une archéologie des sciences humaines*», 1966, рус. пер. 1977; 2-е изд., 1994) анализ синхронно действующих «дискурсивных практик», их нормативов и обезличенных правил призван выявить устойчивые структуры («эпистемы»), которые обуславливают «порядок мышления» и, соответственно, возможные формы знания и его представления в ту или иную эпоху. В европ. цивилизации начиная с эпохи Возрождения Ф. выделил три такие эпистемы – «ренессансную», «классическую» и «современную» (с нач. 19 в.). При этом переосмысливается у Ф. и роль субъекта: он перестаёт быть личностно индивидуализиров. производителем знания и определяется как «изменяемая и сложная функция дискурса».

Генеалогия «власти-знания» (возникла по аналогии с «Генеалогией морали» Ф. *Ницше*) в отличие от семиотико-культурологич. «археологии знания» представляет собой своеобразный вариант радикально политизиров.

социологии знания. В понятии «власти-знания» (pouvoir-savoir) обществ.-политическое и когнитивное измерения составляют нераздельное единство, охватывающее как социальные формы функционирования знания, так и его реализацию властными институтами. Уже в ранних работах Ф. исследовал те социально значимые институты, в которых возникают, применяются и передаются науч. знания и одновременно проводится определённая политич. стратегия по управлению цивилизационными процессами. Этот период наиболее ярко представлен в работах «Надзирать и наказывать: Рождение тюрьмы» («Surveiller et punir: Naissance de la prison», 1975, рус. пер. 1999) и «Воля к знанию» («La volonté de savoir», 1976), составляющая т. 1 «Истории сексуальности» (рус. пер. в кн. «Воля к истине: По ту сторону знания, власти и сексуальности», 1996). Ф. выделил три осн. социополитич. матрицы генезиса знаний (в т. ч. о природе): «мера», или «измерение» (античность); «опрос», или «дознание» (Средневековье), выступающее не только как юридич. процедура, но одновременно и как техника извлечения знаний о природе, противостоящая знанию, опирающемуся на традицию; «осмотр», или «обследование» (Новое время), с функционированием его как матрицы связано рождение таких социальных учреждений, как тюрьма, мед. клиника, экзамен в школе и т. п., совокупность которых составляет «дисциплинарное общество». «Дисциплинарные» процедуры, ставшие всеобщими формами управления, регуляции жизни людей начиная с 17–18 вв., лежат в основе как разл. институтов такого общества (регулярные армии, массовые школы и др.), так и познават. методов и нормативных принципов в организации науч. знаний.

В центре третьего этапа творчества Ф. – человек как индивидуальный субъект, практикующий собств. жизнь как искусство существования. От социокогнитивной истории институтов Ф. обращается к анализу античных практик «заботы о себе» с их «техниками самости». Осн. работы этого периода – «Пользование удовольствиями» («L'usage des plaisirs») и «Забота о себе» («Le souci de soi»), обе 1984 (соответственно тома 2 и 3 «Истории сексуальности», рус. пер. 1998), а также «Герменевтика субъекта», курс лекций в Коллеж де Франс, 1981–82 («L'herméneutique du sujet», рус. пер. 2007).

Литература

Соч.: Dits et écrits: 1954–1988. P., 1994. Vol. 1–4; Интеллектуалы и власть: статьи и интервью 1970–1984. М., 2002; Психиатрическая власть. СПб., 2007; Maladie mentale et psychologie. 6 éd. P., 2015.

Лит.: Dreyfus H. L., Rabinow P. M. Foucault: Beyond structuralism and hermeneutics. 2nd ed. Chi., 1983; M. Foucault philosophe. Rencontre internationale. P., 1989; Eribon D. M. Foucault et ses contemporains. P., 1994; M. Foucault, les jeux de la vérité et du pouvoir: études transeuropéennes. Nancy, 1994; Gros F. Foucault et la folie. P., 1997; Han B. L'ontologie manquée de M. Foucault: Entre l'historique et le transcendantal. Grenoble, 1998; Делез Ж. Фуко. М., 1998; Михель Д. М. Фуко в стратегиях субъективации: от «Истории безумия» до «Заботы о себе». Саратов, 1999; М. Фуко и Россия. СПб.; М., 2001; Бланшо М. М. Фуко, каким я его себе представляю. СПб., 2002; Эрибон Д. М. Фуко. М., 2008; Veyne P. Foucault, sa pensée, sa personne. P., 2008; Дьяков А. В. М. Фуко и его время. СПб., 2010; Chevallier Ph. M. Foucault et le christianisme. Lyon, 2011.